

Научная статья
УДК 316.4; 331.52
doi: 10.17223/15617793/475/11

Цифровые кочевники как экономические акторы: особенности социально-экономической практики

Марина Ивановна Пантыкина¹

¹*Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия, pantikina@tltsu.ru*

Аннотация. Представлены особенности социально-экономической практики цифровых кочевников, позволяющие определить их как категорию независимых работников, формирующуюся в условиях цифровой экономики. На основании анализа теоретических и эмпирических исследований выявлены и описаны такие ее проявления, как производство, потребление, формирование спроса на разработку и внедрение новых мобильных устройств и технологий, отношение к собственности и трудовая занятость.

Ключевые слова: цифровые кочевники, фрилансеры, самозанятые граждане, экономические акторы, нестандартная занятость, удаленная работа

Для цитирования: Пантыкина М.И. Цифровые кочевники как экономические акторы: особенности социально-экономической практики // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 83–92. doi: 10.17223/15617793/475/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/11

Digital nomads as economic actors: Features of socioeconomic practice

Marina I. Pantykina

Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation, pantikina@tltsu.ru

Abstract. The article discusses the insufficiently explored problem of the economic status of digital nomads. For this purpose, the features of their socioeconomic practice are identified, which make it possible to define these features as economic actors. The theoretical foundations of the article are the theories of the post-industrial and information society, sociological and economic research on the employment of independent workers, scholarly works that constitute the concept of digital nomads and explore various practices of digital nomadism. The empirical basis was formed by the published results of sociological studies of non-traditional employment, as well as the available data from the analysis of specialized Internet resources, virtual polls and interviews obtained using netnography methods. The first part of the article clarifies the content of the concept “digital nomads” by identifying such distinctive features as geographic and social mobility, features of the technical and information support of a mobile lifestyle. Based on the results of a comparative analysis of the geographical mobility of different types of independent workers and travelers, the author concludes that digital nomads’ relocations are prolonged, do not imply a permanent residence and are not associated with professional activities. As for social mobility, it is realized as professional mobility for mastering related types of work and deepening professional specialization. Further, the article investigates the specificity of the use of specialized digital technologies and information services, which is determined by the role of these technologies and services in achieving a balance between work and leisure, professional and everyday communication. The author proves that digital nomads can independently solve technological problems and form requests for the creation of applications, context-sensitive systems, technological and environmental infrastructure, etc., which allows them to be considered full-fledged actors in the digital economy. The second part of the article clarifies the specifics of digital nomads in the context of the analysis of such aspects of their socioeconomic practice as production, consumption, attitudes towards property and employment. The author argues that mobile lifestyle is driving the demand for companies to meet the needs of digital nomads. The entrepreneurial thinking formed by a mobile lifestyle allows them not only to work by hire, but also to start their own businesses. The comparison of digital nomads, freelancers, and self-employed citizens showed that they form overlapping sets with such a common feature as remote precarious work. Digital nomads, as independent economic actors, are distinguished by a high level of education and professional training; having a job with income sufficient to support a mobile lifestyle; the ability to determine the forms of labor organization and monitor the fulfillment of the terms of the employment contract; significant freedom in the choice of the sphere of production and provision of services.

Keywords: digital nomads, freelancers, self-employed, economic actors, precarious work, remote work

For citation: Pantykina, M.I. (2022) Digital nomads as economic actors: Features of socioeconomic practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 83–92. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/11

В последние десятилетия появилось немало отечественных и зарубежных научных публикаций, в которых на основе теорий постиндустриального и информационного общества (Д. Белл, Ж. Фурастье, Э. Тоффлер, Й. Масуда, М. Кастельс) анализируются изменения, происходящие в организации общественной жизни. При этом в ряде исследований (П. Вирно, З.Т. Голенкова, А. Горц, К. Крауч, Л.В. Липидус, М. Мангер, Д.О. Стребков, Н. Стэндинг, Ж.Т. Тощенко, Дж. Урри и др.) акцентируется внимание на количественном росте и увеличении разнообразия независимых работников. В частности, в них отмечается, что такие категории независимых работников, как фрилансеры, самозанятые граждане, работники, занятые в аутсорсинге или краудсорсинге, дауншифтеры, цифровые кочевники, появились в результате глобализации, внедрения технологических инноваций, развития цифровой экономики и формирования открытого рынка с новыми моделями организации труда.

Среди современных независимых работников особый научный интерес представляют цифровые кочевники. Он обусловлен тем, что, несмотря на многочисленные публикации¹, сохраняется ряд познавательных затруднений, вследствие которых феномен цифровых кочевников пока остается недостаточно изученным. Действительно, во-первых, созданный СМИ романтический, глянцево-образ жизни цифровых кочевников существенно мешает разработке теоретических обобщений. Во-вторых, не сформирован интегративный подход к исследованию цифровых кочевников, в результате чего они представляются либо в аспекте трудовой деятельности, либо в контексте мобильного образа жизни, либо с точки зрения досуга [2. Р. 337]. В-третьих, отсутствует возможность однозначного определения экономического и правового статусов цифровых кочевников, поскольку таковые еще не определены международным и национальными законодательствами.

Кроме того, существенной проблемой является выбор эмпирических методов изучения цифровых кочевников. Как пишет Ф. Манчинелли, «цифровых кочевников из-за их чрезвычайной мобильности трудно изучать только с помощью традиционных этнографических методов, поскольку этот подход требует от исследователя взаимодействовать с участниками в определенное время и в определенном месте. В то время как цифровые кочевники путешествуют практически по всему миру, большая часть их социальных и деловых взаимодействий происходит через коммуникационные технологии и социальные сети» [3. Р. 423–424]. Поэтому исследование цифровых кочевников предполагает применение нетнографического подхода, включающего такие методы, как онлайн-иммерсивное взаимодействие, видеоинтервью, контент-анализ сайтов, форумов, блогов и т.п. [4]. Так как цифровое кочевничество имеет глобальные масштабы, то такие научные проекты должны иметь

международный характер. С учетом того, что цифровых кочевников отличает динамизм географической мобильности, их изучение должно проходить в режиме регулярного мониторинга. Думается, что по мере преодоления подобных трудностей будут получены прикладные результаты, способствующие решению проблем нетрадиционной занятости, демографии, налогообложения, развития новых направлений бизнеса, информационных технологий и т.д.

Уточнение семантического диапазона понятия «цифровые кочевники» в социально-экономическом аспекте

Понятие «цифровой кочевник» вошло в научный тезаурус в 1997 г. благодаря книге Ц. Макимото и Д. Мэннерса «Цифровой кочевник» [5]². В последующих социологических и философских исследованиях его содержание было существенно уточнено и дополнено. В частности, в работах И.П. Кужелевой-Саган, Д.И. Спичевой, Н.А. Сучковой и других авторов представлена история становления понятия цифровых кочевников, систематизированы наиболее значимые теоретико-методологические подходы, моделируется корпус связанных с ним концептов: городские и корпоративные кочевники, кочевники-фрилансеры, цифровые ковбои, цифровые аборигены и мигранты и т.д. Кроме того, томскими учеными выявлены социокультурные причины популярности образа цифрового кочевника и показаны перспективы его закрепления в социальной практике³.

Отметим, что в научной литературе преобладают дескриптивные дефиниции цифровых кочевников, в которых они определяются как неоднородная по демографическому составу, профессиональной и национальной принадлежности группа людей, которые «выбирают независимый от местоположения, технологически оснащенный образ жизни, который позволяет им путешествовать и работать удаленно везде, где есть подключение к Интернету. В отличие от стандартных удаленных работников, которые, как правило, остаются в одном географическом районе, цифровые кочевники путешествуют и узнают что-то новое в процессе труда» [8]. Поскольку дескриптивные определения не позволяют однозначно дифференцировать цифровых кочевников и других мобильных «продвинутых» IT-пользователей, то это требует их уточнения следующими дополнительными отличительными признаками:

«– использование кочевых предметов и технологий;

– частое пребывание в “третьих местах”, оборудованных беспроводной связью: коворкингах, кафе, библиотеках и т.п.;

– стремление к свободе выбора (жизненных целей, способов и места работы и т.д.);

- независимость в выборе профессиональных задач и траектории своего кочевания;
- признание ценности знаний;
- владение кочевым языком (определенными аббревиатурами, языковыми сокращениями, визуальными кодами и т.д.);
- способность к коллаборации;
- вхождение в те или иные виртуальные сообщества;
- ощущение себя гражданами мира, принадлежащими к самой передовой части постиндустриального общества;
- нетерпимость к любым проявлениям какой-либо дискриминации (расовой, гендерной, религиозной и т.д.);
- смелость и жажда приключений» [6. С. 204].

Имеющиеся теоретические и эмпирические исследования служат основаниями для изучения социально-экономической практики цифровых кочевников. В частности, они позволяют сделать предположение о том, что для цифровых кочевников как экономических акторов особой значимостью обладают такие их характеристики, как мобильность, использование гаджетов, цифровых технологий (неаналоговых информационных технологий) в профессиональной деятельности и личной жизни, а также специфические стимулы и условия организации труда.

Что касается мобильности, то в социально-экономическом аспекте важно учитывать особенности как географической, так и социальной мобильности. Очевидно, что в условиях глобализации географическая мобильность характерна для большого количества людей, располагающих финансовыми средствами для путешествий. Однако только для цифровых кочевников она является постоянной, неотъемлемой составляющей образа жизни. При этом географическую мобильность цифровых кочевников следует отличать от перемещений мигрантов, фрилансеров и дауншифтеров, которые совершают их в течение фиксированного периода с целью отдыха, временной работы и стремятся вернуться на постоянное место жительства. Некоторые из них могут считать себя цифровыми кочевниками, по факту не являясь ими. Так, например, исследование, проведенное компанией MBO Partners, показывает, что в 2020 г. из 10,9 млн американцев, называющих себя цифровыми кочевниками, 34% планируют вести кочевой образ жизни менее года, 53% будут путешествовать по крайней мере в течение последующих двух лет. 81% участвовавших в опросе очень удовлетворены, а 9% удовлетворены своей работой и образом жизни [8]. Эти данные показывают, что длительные путешествия, совмещенные с работой, являются привлекательными, но далеко не все из тех, кто называет себя цифровыми кочевниками, готовы вести мобильный образ жизни на постоянной основе.

Кроме того, цифровых кочевников нельзя считать профессиональными путешественниками, так как для них туризм является следствием свободного выбора мобильного образа жизни, а не источником доходов. На первый взгляд может показаться, что стремление совершать поездки с высоким уровнем сервиса и использование мобильных устройств объединяет циф-

ровых кочевников и так называемых флэшпакеров⁴. Однако для последних возможность постоянных географических перемещений не связана с обязательствами профессиональной деятельности и регулярным выполнением производственных задач. В то время как цифровые кочевники должны регулярно работать для того, чтобы путешествовать.

Что побуждает цифровых кочевников постоянно находиться в дороге? Ведь непрерывные физические перемещения утомительны, финансово затратны, не связаны с производственной логикой, продвижением по карьерной лестнице и т.п. Как справедливо утверждает О. Ханнонен, стимулом к географической мобильности является привлекательность кочевого образа жизни [2. Р. 350], а сопутствующие социально-экономические причины и следствия образуют условия его реализации. Этот вывод доказывается и нетографическими исследованиями страниц сайтов, форум, блогов, видеоинтервью⁵. В частности, их результаты подтверждают, что для цифровых кочевников характерна «нематериальная» цель путешествий, а именно личная независимость от неоправданных, с их точки зрения, формализованных обстоятельств труда, быта и личной жизни. Достижение этой цели видится ими на пути установления баланса между ними, в обеспечении условий полной самореализации, в получении новых знаний и впечатлений. Поэтому особую значимость для них приобретают такие экзистенциальные ценности, как свобода выбора (например, эмансипация от рутины и формальностей), актуализация возможностей (например, новые планы, дополнительные временные, финансовые ресурсы и т.п.), самостоятельное принятие обязательств (например, личных, трудовых обязанностей). Следование таким ценностным ориентирам формирует потребность в постоянных путешествиях, способствующих повышению уровня социальной и личной самооценки.

Кроме того, в ходе эмпирических исследований обнаружилось, что значение географической мобильности для цифровых кочевников можно трактовать и в духе нomaдологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари, а именно как выражение неприятия неолиберальных ценностей, социальных рисков и неопределенности, борьбы за право вести безопасный космополитичный образ жизни без государственного рыночного режима и экономических обязательств, связанных с идеей дома и гражданства (потребление, собственность, имущество и уплаченные налоги) [3. Р. 421–422]. Такая позиция выражается в отношении цифровых кочевников к собственности, консьюмеризму, к культам карьеры и социального престижа. Думается, что эти аксиологические основания социально-экономической практики цифровых кочевников требуют отдельного исследования. В предлагаемой статье они рассматриваются фрагментарно в контексте экономики совместного использования.

Что касается социальной мобильности цифровых кочевников, то она представлена горизонтальной профессиональной мобильностью, в то время как вертикальная мобильность нивелирована стабильностью повседневной среды и однородностью круга общения. Профессиональная мобильность характеризуется тем,

что высокий уровень образования⁶ и квалификации позволяет цифровым кочевникам успешно осваивать смежные профессии и добиваться углубленной профессиональной специализации. А это, в своей совокупности, формирует способность быстро адаптироваться к открытому рынку труда и осваивать высокотехнологичные сферы производства и оказания услуг.

Какие профессии выбирают цифровые кочевники? Анализ блогов в социальных сетях и сайтов интернет-комьюнити показывает, что цифровые кочевники, идентифицируя себе как свободные агенты или независимые профессионалы, чаще всего работают веб-разработчиками, программистами, PR- и HR-специалистами, копирайтерами, дизайнерами, агентами в интернет-торговле, переводчиками, блогерами, консультантами в области медицины, психологии, юриспруденции и т.д. Они оказались востребованы в таких инжиниринговых компаниях, для которых характерна однородная продукция и типовые технологические процессы, а основными средствами производства – мобильная компьютерная техника, соответствующее программное обеспечение, интернет и беспроводная телефонная связь.

Следующей характеристикой цифровых кочевников, обуславливающей специфику их социально-экономической практики, является применение специализированных цифровых технологий и информационных сервисов. Как они обеспечивают потребности кочевников? Как последние включены в производство технологических инноваций? Чем отличаются цифровые кочевники от «продвинутых» IT-пользователей? Для поиска ответов на эти вопросы воспользуемся результатами эмпирического исследования авторского коллектива из США, который с 2013 по 2017 г. изучал данные форумов сайтов Reddit.com, Nomadforum.io, группы Facebook «Цифровые кочевники во всем мире» и провел 22 интервью с цифровыми кочевниками. В частности, американским ученым удалось выяснить, что цифровые технологии обеспечивают организацию и контроль за реализацией каждого этапа удаленной работы: поиск заказа, заключение контракта, производство и реализация цифрового продукта, получение заработной платы. Для обеспечения производственного цикла созданы как специализированные профессиональные приложения и программы, так и универсальные цифровые инструменты: «...Программисты работают на GitHub для написания и публикации кода, тогда как дизайнеры и творческие работники часто применяют Adobe Creative Cloud для форматирования макетов веб-сайтов. Однако есть также определенные технологии, которые универсальны для всех цифровых кочевников, например, приложения для обмена сообщениями, которые используются для коммуникационных целей» [11. Р. 210]. Этим, в частности, объясняется тот факт, что цифровые кочевники стремятся интегрировать отдельные цифровые платформы и сервисы, преобразуя их в развивающиеся информационные инфраструктуры.

В ходе исследования было установлено, что наиболее популярными приложениями для обмена сообщениями среди профессионалов являются Slack и Skype. А для поиска клиентов и поддержки професси-

ональных связей цифровыми кочевниками широко применяются сайты LinkedIn, Medium, Upwork и Remoteok. В качестве платежных систем они используют PayPal и Transferwise, которые позволяют вести бизнес без его «физической» прописки.

Так как у цифровых кочевников отсутствуют четкие границы между досугом и работой, а участников команды зачатую отделяют разные временные пояса, то это существенно сказывается на уровне производительности труда. Для его повышения созданы тайм-менеджеры в виде приложений Asana и Trello, которые позволяют контролировать выполнения графиков коллективной работы. Как видим, разнообразные компьютерные и информационные технологии позволяют цифровым кочевникам получать доступ к профессиональным материалам из любой локации, а также создавать передвижные виртуальные офисы [11. Р. 210].

Популярностью среди цифровых кочевников пользуются специализированные сайты, к которым обращаются в случае необходимости арендовать жилье, в том числе и на условиях совместного использования (AirBnB.com, Digitalnomadhouse.net и др.). Активно развиваются информационные сервисы, организующие коворкинги и онлайн-конференции, которые призваны решать проблему обеспечения базовых социальных потребностей в солидарности и сопричастности, в совместной работе и досуге. В последнее время все большее распространение находят офлайн-круизы, которые организуются с помощью таких информационных ресурсов, как Remote Year и Nomad Cruise. Такого рода коллективные путешествия позволяют объединить единомышленников на короткий период времени.

Пандемия COVID-19 существенно ограничила возможность международных путешествий и проведения офлайн-мероприятий. Но зато она создала условия для развития движения VanLife, объединившего цифровых кочевников, путешествующих на автомобилях с фургонами. Активная популяризация этого движения началось в аккаунтах Instagram одновременно со вспышкой пандемии. Это позволило автомобильным компаниям Volkswagen и Nissan, которые еще в 2018 г. объявили о выпуске фургонов для цифровых кочевников [12], существенно расширить рынок сбыта своей продукции.

Разумеется, не только цифровые кочевники, но и оседлые жители современных мегаполисов используют многие из перечисленных выше мобильных приложений и цифровых платформ для организации труда, путешествий, общения и т.д. Однако только цифровые кочевники внедрили их в разные аспекты жизни таким образом, что они нивелируют границу между приватным и профессиональным общением, между досугом и работой. Кроме того, поскольку гаджеты и цифровые технологии не разрабатываются «сверху вниз», а возникают в результате сложных взаимодействий многих технологий и пользователей [10. Р. 97:3], то отношения цифровых кочевников с используемыми ими техническими устройствами и технологиями, в отличие оседлых «продвинутых» поль-

зователей, складываются на паритетных началах. Это означает, что они способны самостоятельно решать новые технологические задачи, а также формировать запросы на создание специализированных технологических объектов (сетевые приложения, контекстно-зависимые системы, технологическая и экологическая инфраструктура и т.д.).

Заметим, что эти «объекты могут выступать не только предметами воздействия человеческих субъектов, но и функционировать в качестве “актантов”, определяя роли, которые люди исполняют внутри сетей» [13. С. 116]. Сохранить подобную технологическую включенность цифровым кочевникам помогают специализированные информационные ресурсы (Nomad List, Hellowfellow, Flylancer, Digital Freelancer, Remote, Travelask и др.)⁷, которые интегрируют ссылки на интернет-биржи, сведения о трудоустройстве, транспортные и гостиничные сервисы, а также адреса форумов, на которых обсуждаются бытовые, семейные и иные вопросы личного характера.

Таким образом, уточнение содержания понятия «цифровые кочевники» в социально-экономическом аспекте позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, непрерывная географическая мобильность и соответствующий ей образ жизни являются основаниями выбора профессиональной деятельности и стимулами для поддержания активной социально-экономической практики. Во-вторых, вертикальная социальная мобильность цифровых кочевников нивелирована, а горизонтальная мобильность имеет профессиональную направленность. В-третьих, мобильный образ жизни и удаленная занятость цифровых кочевников обуславливают высокий спрос на производство специализированных цифровых технологий, информационных сервисов и создание новых рабочих мест. В-четвертых, цифровые кочевники – это экономические акторы⁸, которые совершают действия, направленные на удовлетворение потребностей и интересов посредством высокотехнологичного производства, обмена и потребления материальных, нематериальных благ и услуг, соответствующих экономике совместного использования⁹. В-пятых, мобильный образ жизни цифровых кочевников предполагает выявление форм и условий трудовой занятости, соответствующих особенностям их социально-экономической практики.

Цифровые кочевники как экономические акторы

Исследование цифровых кочевников в качестве экономических акторов является новой, недостаточно разработанной научной темой. В этой связи нельзя не согласиться с У. Сазерленд и М.Х. Джаррахи в том, что цифровым кочевникам как быстрорастущему сообществу работников уделяется мало внимания со стороны академических исследователей, но зато они широко представлены в изданиях для бизнеса, заинтересованного в новых схемах труда [10. Р. 97:5]. В сложившейся познавательной ситуации масштабы, направления и диспозиции социально-экономической практики цифровых кочевников не могут быть выяв-

лены и изучены в полной мере. Поэтому предлагаемая статья будет ограничена исследованием таких ее проявлений, как производство, потребление, отношение к собственности и трудовая занятость.

Как уже отмечалось, основное влияние на социально-экономическую практику цифровых кочевников оказывает мобильный образ жизни, который и определяет логику формирования первого блока их характеристик в качестве экономических акторов. В частности, во-первых, они активно пользуются услугами трансфера, хостинга и иных видов сервиса, работающих круглосуточно в режиме онлайн, тем самым стимулируя их развитие.

Во-вторых, необходимость удовлетворения потребностей мобильного образа жизни способствует формированию спроса на продукцию компаний, специализирующихся на проектировании, создании и технической поддержке разнообразных цифровых платформ, на услуги фирм, которые предлагают (относительно) дорогостоящие комплексные сообщества, такие как коliving/коворкинг, лагеря и круизы, обеспечивая цифровых кочевников комфортной, по меркам западного среднего класса, средой [9].

В-третьих, подтверждением того, что цифровые кочевники являются экономическими акторами, служит тот факт, что Эстония, Грузия, Бермуды, Барбадос и другие страны предлагают им привлекательное электронное резидентство, безвизовое проживание, цифровые схемы виз (смарт-виза в Таиланде и виза цифрового кочевника в Эстонии), создают специализированные инфраструктуры, обеспечивающие комфортные условия для их труда и быта [2. Р. 347].

В-четвертых, результаты нетнографических исследований (Б.В. Томпсон, У. Сазерленд, М.Х. Джаррахи) показывают, что все чаще консультации и экспертизы цифровых кочевников, которые ранее предлагались на безвозмездной основе, коммерциализируются. Например, все большей популярностью пользуются программы наставничества (коучинга), советы по решению проблем аренды помещений, в том числе для совместного проживания, предложения юридической и технической помощи [16. Р. 332].

В-пятых, имеющийся опыт и предпринимательское мышление цифровых кочевников «со стажем» позволяют им не только трудиться по найму, выполнять работу под внешний заказ, но и открывать собственный бизнес¹⁰. Действительно, наличие таких навыков предпринимательства, как готовность рисковать, создавать бизнес-стартапы, производить прорывные продукты и услуги, нанимать сотрудников и ставить перед ними новые задачи, организовывать свою и их работу, вести переговоры с клиентами, поддерживать профиль на цифровой платформе и т.д., предполагаются условиями мобильного образа жизни и удаленной работы и, следовательно, присущи многим цифровым кочевникам.

В-шестых, мобильный образ жизни и особенности участия в производстве благ и услуг определяют специфику потребления цифровых кочевников. Она проявляется в том, что мобильный образ жизни заставляет руководствоваться практическими соображениями, гибко относиться к материальному имуществу, ценить в вещах

функциональность, а не статус собственности [3. Р. 430]. При этом им свойствен высокий уровень притязаний к средствам и условиям удовлетворения материальных и нематериальных потребностей.

В-седьмых, социально-экономическую практику цифровых кочевников отличают особые экономические стратегии. Например, они путешествуют по странам с низким уровнем жизни, где проживание обходится сравнительно дешево, а работают в компаниях или реализуют частные услуги в странах с высокой стоимостью труда. В условиях ограничения поездок, связанных с COVID-19, цифровые кочевники предпочитают путешествовать внутри одной страны, а также отказываются от посещения дорогих городов и районов в пользу менее затратных [8].

Мобильный образ жизни и отрицание консьюмеризма явились предпосылками интеграции цифровых кочевников в процессы экономики совместного использования, которая предполагает полный или частичный отказ от собственности в пользу коллективного владения и расходования каких-либо ресурсов. Включенность в эту модель цифровой экономики определяет восьмую особенность цифровых кочевников как экономических акторов. Например, если цифровые кочевники являются собственниками жилья, то они стремятся сдать его в аренду, разместив предложения на соответствующих платформах. Распространены случаи, когда на бесплатной платформе создается совместный веб-сайт, на котором желающие могут описать свои навыки и предложить услуги в обмен на проживание и питание [10. Р. 97:10]. Феноменом экономики совместного использования можно считать коворкинги, предоставляющие услуги по организации рабочих мест и готовой инфраструктуры для коллективной работы цифровых кочевников. Все это позволяет утверждать, что их социально-экономическая практика соответствует процессам экономики совместного использования, решающей проблему «избыточной мощности» путем более интенсивного и продуктивного применения ресурсов. Кроме безвозмездного коллективного использования ими активно развивается «продажа сокращения транзакционных издержек для обеспечения взаимовыгодного обмена товарами, услугами и видами деятельности, которые прежде не рассматривались как коммерческие» [17. С. 93]. Заметим, что эта особенность цифровых кочевников коррелирует с их стремлением постоянно контролировать уровень платежеспособности и финансовой эффективности трудозатрат.

В-девятых, по мере роста численности цифровых работников обнаруживаются негативные аспекты их социально-экономической практики. Например, особое отношение цифровых кочевников к собственности и использование анонимных транзакций зачастую приводят к уклонению от налогообложения, уплаты налогов или уходу в низконалоговую юрисдикцию, реализующуюся в 15 странах (Ирландия, Люксембург, Монако, Нидерланды, Швеция, Сингапур и др.). В условиях отсутствия глобального налогового контроля эти явления стали серьезной проблемой. А так как перспективы ее решения пока неочевидны, то, как

утверждает В. Влчек, создавшаяся ситуация подрывает налоговый моральный дух оседлых граждан и поощряет кочевых граждан не платить налоги¹¹.

Следующий блок характеристик цифровых кочевников как экономических акторов обусловлен тем, что они появились на волне трансформации условий труда, вызванной спросом на мобильных работников и увеличением объема дистанционной работы. В связке с ускоренным внедрением и расширением ассортимента компьютерных и информационных технологий это стимулировало развитие нестандартной занятости. Последняя обнаруживается как в традиционных формах – неформальная, временная, неполная и надомная занятости, так и в таких современных нетрадиционных формах, как удаленная занятость и занятость в агентствах, в том числе виртуальных, предоставляющих рабочую силу третьими сторонами (аутсорсинг, аутстаффинг)¹².

Анализ научной литературы показывает, что многие исследователи исходят из допущения о том, что нестандартная занятость в большей степени отвечает заинтересованности работодателя в существенном сокращении непроизводительных расходов. Что же касается работников, то она влечет за собой сокращение доходов, социальных гарантий и ухудшение качества их жизни¹³. Согласно альтернативной точке зрения, нестандартная занятость является следствием гибкости современного рынка труда, так как «нестандартные формы занятости допускают большую степень свободы действия, самостоятельности при значительно меньшей (по сравнению со стандартной занятостью) внешней регламентацией организации труда и производства, а также принятия решений» [21. С. 39]. Поэтому нестандартная занятость в равной степени отвечает интересам и работодателей, и работников.

Наличие противоположных подходов показывает отсутствие общего понимания сущности нестандартной занятости: она определяется либо через отрицание признаков стандартной занятости, либо через акцентирование ущемления интересов работников. Думается, что одним из выходов из создавшейся познавательной ситуации может быть отказ от прескриптивного определения нестандартной занятости в пользу классификации ее видов. Возможный вариант такой классификации представлен в Трудовом кодексе РФ, в котором к формам нестандартной занятости относятся: работа по совместительству (гл. 44), работа по временным договорам до 2-х месяцев (гл. 45), сезонные работы (гл. 46), работа вахтовым методом (гл. 47), работа у работодателей – физических лиц (гл. 48), надомный труд (гл. 49), дистанционный труд (гл. 49.1), работа по направлению временно работодателем к другим физическим или юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников (персонала) (ст. 341.2) [22].

Более развернутая классификация, разработанная на основании Трудового кодекса РФ, представлена в диссертации Б.А. Мусаева. В ней выделены такие критерии классификации нестандартной занятости, как нестандартный трудовой договор, нестандартные условия занятости, продолжительность рабочего времени, способ организации труда и статус работода-

ля, виды занятости и типы работ [23. С. 29]. В соответствии с данной классификацией нестандартную занятость цифровых кочевников отличает наличие нестандартного трудового договора, регламентирующего дополнительную и временную занятость в форме совместительства или работы по срочным договорам. Нестандартные условия занятости в отношении их работы могут быть основой как для самозанятости, так и для работы в составе трудового коллектива. Так как цифровые кочевники самостоятельно определяют продолжительность рабочего времени, то они предпочитают неполную занятость или сверхзанятость, работая по свободному графику или в режиме сокращенной рабочей недели. Что касается способа организации труда цифровых кочевников, то для них подходят удаленная занятость или занятость на основе договора о выполнении определенного объема работ, которые обеспечивают дистанционную работу, фрилансинг, аутсорсинг, виртуальную занятость (телетруд). В зависимости от статуса работодателя занятость цифровых кочевников может осуществляться как на зарегистрированном, так и на незарегистрированном предприятии, как у физического лица с оформлением трудовых отношений, так и «на себя».

Как видим, трудовая занятость цифровых кочевников отличается многофакторностью и имеет единый базовый признак – удаленную занятость¹⁴. Однако этот признак свойствен также фрилансерам и самозанятым. Не означает ли это, что цифровые кочевники – это экономические акторы, не имеющие самостоятельной сущности? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выявить различия трудовой занятости цифровых кочевников, фрилансеров и самозанятых.

В последние годы фрилансерам посвящено немало теоретических и эмпирических исследований¹⁵. В результате сложилось представление о том, что фрилансинг – это вид неформальной удаленной занятости без заключения трудового договора, предполагающего выполнение определенного задания (заказа) работодателя. Свойственная этой трудовой деятельности независимость от правового регулирования трудовых отношений и налогообложения является следствием открытости рынка труда, возможности находить работу или предлагать свои услуги с помощью специализированных виртуальных бирж, форумов, сайтов. Исходя из этой трактовки, можно утверждать, что некоторые цифровые кочевники занимаются фрилансингом. Однако, было бы неверным считать, что все фрилансеры – это цифровые кочевники. Как уже неоднократно отмечалось, последние предпочитают географическую мобильность, а фрилансеры могут вести и оседлый образ жизни. Одним из условий обеспечения постоянных путешествий цифровых кочевников является контролируемая занятость, гарантирующая высокий уровень дохода и минимизацию рисков. Поэтому, как показывают опросы, большая часть цифровых кочевников, в отличие от фрилансеров, стремится к легализации трудовых отношений и правовой регламентации дистанционной работы.

Контролируемая занятость коррелируется со склонностью цифровых кочевников объединяться в

коллективы, трудоустраиваясь в виртуальных компаниях или самоорганизуясь на условиях краудсорсинга¹⁶. Особые условия организации работы высококвалифицированных виртуальных коллективов заставляют работодателей относиться к цифровым кочевникам как к социальному капиталу, требующему профессионального развития и тимбилдинга¹⁷, в то время как фрилансеры, которым свойственна индивидуальная работа, а также условия их труда остаются без должного внимания со стороны работодателей. Как показал онлайн-опрос «Перепись фрилансеров-2019», они вынуждены много работать, чтобы обеспечить желаемый уровень дохода и финансовую «подушку безопасности». Однако только 34,5% из них называют свой доход стабильным. Фрилансеры зависят от циклов трудовой нагрузки, от запросов одного или нескольких заказчиков. Нарушая требования охраны труда и баланс между работой и жизнью, они работают до тех пор, пока все задачи не будут выполнены, «то есть обычно трудятся как в ночные часы (несколько раз в месяц или чаще), так и в выходные дни (раз в месяц или чаще). Среди населения России таких работников оказалось лишь 22%, в то время как среди фрилансеров почти две трети (64%)» [26. С. 94].

Более высокий, по сравнению с фрилансерами, уровень дохода и финансовая независимость обеспечивают большую свободу выбора условий режима, длительности труда и размера заработной платы. Кроме того, они могут быть не только исполнителями поручений заказчика, но и занимать административные должности, быть руководителями проектов или владельцами виртуальных компаний. Их профессионализм и высокий уровень квалификации можно противопоставить непрофильности труда, низкому или среднему уровню образования, которые характерны для большинства фрилансеров.

Переходя к сопоставлению цифровых кочевников и самозанятых, можно утверждать, что и те и другие относятся к категории так называемых свободных агентов или независимых работников. Однако это не является основанием их отождествления. Действительно, самозанятыми гражданами принято считать физические лица, а также индивидуальных предпринимателей, которые не имеют работодателя и наемных работников по трудовому договору. Они самостоятельно определяют вид деятельности и оформляют налоговые отношения. Так, Федеральный закон РФ от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход” в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)», а также принятые изменения (от 15.12.2019 № 428-ФЗ и от 01.04.2020 № 101-ФЗ) окончательно уточнили статус самозанятых граждан, а также разрешенные виды деятельности. Содержание этих нормативных документов позволяет утверждать, что некоторые цифровые кочевники могут быть приравнены к самозанятым гражданам, в том числе как индивидуальные предприниматели. Это возможно в том случае, если они, владея онлайн-бизнесом без наемных работни-

ков, выполняют в полном объеме обязанности налогоплательщика. Однако свойственная самозанятым гражданам зависимость от местных государственных контролирующих органов не совместима с постоянной географической мобильностью цифровых кочевников. В частности, Федеральный закон № 422-ФЗ разрешает применение специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» только физическими лицами, в том числе индивидуальным предпринимателям, местом ведения деятельности которых является территория одного из субъектов Российской Федерации. А это ставит под сомнение привлекательность самозанятости для цифровых кочевников, ведущих мобильный образ жизни.

Кроме того, не все виды деятельности, разрешенные для самозанятых, могут осуществляться постоянно путешествующими цифровыми кочевниками. Например, из 9 видов работ и услуг¹⁸, указанных на официальном сайте Федеральной налоговой службы России [27], только 4 могут быть реализованы в дистанционном режиме. Кроме того, допустимый для самозанятых объем доходов – не более 2 400 000 рублей в год вряд ли удовлетворит финансовые потребности цифровых кочевников.

Проведенный сравнительный анализ показывает, что цифровое кочевничество, фрилансинг и некоторые виды работ самозанятых граждан являются направлениями экономической деятельности, развивающимися на основе дистанционной нестандартной занятости с использованием компьютерных и информационных технологий. Как следствие, трудовая занятость цифровых кочевников может иметь признаки фрилансинга, самозанятости или их комбинаций. Однако это не исключает необходимости учитывать особенности цифровых кочевников и фрилансеров, цифровых кочевников и самозанятых граждан, которые отличаются друг от друга по уровню образования,

дохода, профессиональной подготовки, по степени включенности в коллективные формы труда, по мере свободы выбора сферы производства и услуг, по возможности самостоятельно определять условия организации труда.

Таким образом, на основании выявленных аспектов социально-экономической практики цифровых кочевников можно утверждать, что, во-первых, цифровым кочевникам свойственно сочетать географическую мобильность и выполнение производственных задач. Во-вторых, они способны контролировать трудовые отношения. В-третьих, их отношения к собственности, потреблению, налоговым и социальным обязанностям оказываются производными от необходимости поддерживать мобильный образ жизни. В-четвертых, важно учитывать зависимость экономической успешности цифровых кочевников от уровня обеспеченности высокотехнологичными средствами труда и быта, их включенности в развитие и производство мобильных устройств и технологий, в создание новых услуг по организации досуга и общения. В-пятых, цифровые кочевники являются отдельной категорией независимых работников, отличающейся по ряду признаков от фрилансеров и самозанятых граждан. В-шестых, специфика трудовой занятости цифровых кочевников определяется симбиозом различных форм, условий традиционной и нетрадиционной занятости, что влечет за собой необходимость актуализации представлений о трудовой занятости как таковой.

Подчеркнем, что исследование социально-экономической практики цифровых кочевников далеко от завершения. По мере развития цифровой экономики представления о них как экономических акторах будут дополняться новой фактологией и теоретическими обобщениями, имеющими практическое значение в решении проблем в сфере бизнеса, налогового и трудового законодательства.

Примечания

¹ О масштабах исследовательского интереса к концепту цифрового кочевника свидетельствует то, что «в базах данных научных публикаций Scopus, РИНЦ и Academia.edu зарегистрировано около 1,5 тыс. источников – описаний исследований цифрового кочевничества, осуществленных в рамках различных дисциплин...» [1. С. 72].

² Образ общества кочевников, отвергающих замкнутые пространства, возник еще раньше, а именно в 60-е гг. XX в., и описан в книге М. Маклюэна. Затем появилась постмодернистская идея номадизма как выражение конфликта между подавляющей властью государства и свободной самодостаточной личностью, развитая в номадологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Формирование номадического мира как нового мирового порядка было спрогнозировано Ж. Аттали. Образы номад-паломников в контексте критики глобализма и неолиберализма были представлены в работах З. Баумана. Однако, заслуга Ц. Макимото и Д. Мэннерс состоит не только во введении нового термина, но и в том, что они описали мировоззренческие и технологические условия, при которых возможно появление генерации людей, свободных от пространственно-временных ограничений и ведущих образ жизни с оптимальным балансом работы и досуга.

³ См. подробнее: [1, 6, 7].

⁴ «Флэшпакер – это технически подкованный турист, который использует технологии в качестве инструмента связи для планирования, бронирования и реализации своих путешествий...» [2. Р. 342].

⁵ См. описания методов и результатов нетнографических исследований в работах Б.В. Томпсон [9], Ф. Манчинелли [3], У. Сазерленд, М.Х. Джаррахи [10].

⁶ По результатам исследования цифровых кочевников, проведенным компанией MBO Partners, «68% говорят, что их работа требует специализированной подготовки, образования или опыта (по сравнению с 48% среди нецифровых кочевников). 58% сообщают об участии в обучении профессиональным навыкам за последний год (по сравнению с 34% среди нецифровых кочевников). Цифровые кочевники в среднем имеют хорошее образование: 57% – высшее (по сравнению с 35% процентами среди взрослых американцев) и 24% – ученую степень (по сравнению с 13% среди взрослых американцев) [8]. Эти относительные величины американской базы данных можно экстраполировать и на мировой контингент цифровых кочевников.

⁷ См. дополнительно подбор ссылок на адреса сайтов для поиска работы, хостинга и комьюнити цифровых кочевников [14].

⁸ Понятие экономического актора является наиболее удачным для обозначения людей и технологий в качестве участников экономических отношений, которые формируют и трансформируют эти отношения. В отличие от него понятие экономического агента чаще всего используется для разработки формализованных моделей управления со стандартной структурой экономических отношений [15. С. 27].

⁹ «Экономика совместного использования предполагает: (1) предпринимательство, направленное на сокращение не столько производственных, сколько транзакционных издержек; (2) ведение деятельности на основе новых программных платформ; (3) применение интеллектуального портативного оборудования; (4) поддержание связи с помощью комплекса взаимосвязанных сетей Wi-Fi...» [17. С. 91].

- ¹⁰ По результатам нетнографических исследований форума NomadList 15% его участников обсуждают создание собственного бизнеса с использованием знаний и навыков, приобретенных в результате опыта кочевничества [11. Р. 210].
- ¹¹ В. Влчек в своей монографии «Оффшорные финансы и глобальное управление. Дисциплинирование налогового кочевника» вводит понятие «налоговый кочевник», охватывающее юридические и физические лица, которые, используя пробелы в национальных налоговых законодательствах, возникших в условиях глобализации и цифровизации мировой экономики, уклоняются от налогов. Большая часть этого исследования посвящена транснациональным корпорациям (Facebook, Amazon, Google, Starbucks и др.), которые уходят от уплаты налогов благодаря тому, что имеют, как пишет В. Влчек, три «дома»: место нахождения корпоративного офиса с топ-менеджерами, виртуальное или реальное место на фондовой бирже и место регистрации корпорации. Несмотря на значительные усилия правительств ряда стран ЕС, США и России, «дисциплинировать» налоговых кочевников не удастся [18. Р. 31–37].
- ¹² См. обзор форм и анализ динамики нестандартной занятости в мировом масштабе в отчете Международного бюро труда [19].
- ¹³ В русскоязычной научной литературе распространена точка зрения, согласно которой существует семантическое единство между нестандартной и прекарной занятостями. См., например, следующее положение: «В российской интерпретации она включает в себя неформальную, временную, неполную, частичную, сезонную занятость, самозанятость и др. В англоязычной литературе для обозначения нестандартных отношений занятости используются и другие термины: «atypical», «contingent», «peripheral», «marginal», «flexible». Мы обращаем внимание на тот аспект характеристики нестандартного труда, который связан с термином «precarious» [20. С. 39].
- ¹⁴ В отечественных и зарубежных научных, правовых источниках под удаленной занятостью, как правило, понимается вид трудовой занятости, основанный на взаимодействии работника и работодателя посредством телекоммуникационных и информационных технологий. При этом специфика Трудового кодекса РФ состоит в том, что в нем речь идет не о занятости, а о дистанционной (удаленной) работе в контексте определенных правовых и экономических отношений (занятости). В ст. 312.1 дистанционная и удаленная работа трактуются как синонимы, а также утверждается необходимость закрепления трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя. В письме Министерства труда и социальной защиты от 16.01.2017 № 14-2/ООГ-245 разъясняется, что если работник планирует работать за пределами РФ, то с ним нельзя заключать трудовой договор о дистанционной работе. Допускается заключение только гражданско-правового договора.
- ¹⁵ Например, учеными лабораторий социально-экономических исследований ВШЭ с 2009–2019 гг. был проведен онлайн-опрос «Перепись фрилансеров» по единой методологии на основе данных бирж удаленной работы FL.ru. По его результатам была подготовлена коллективная монография [24] и ряд научных статей.
- ¹⁶ Краудсорсинг – это вид работы на виртуальных платформах, в процессе которой заинтересованные лица на безвозмездной основе делятся между собой интеллектуальными ресурсами и продукцией.
- ¹⁷ См. подробнее о необходимости тимбилдинга для цифровых кочевников и практикуемых его формах: [25].
- ¹⁸ Федеральным законом № 422-ФЗ разрешено только производство личной продукции, предоставление личных услуг и продажа товара собственного производства.

Список источников

1. Кужелева-Саган И.П., Спичева Д.И. Феномен цифрового кочевничества в современном междисциплинарном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 72–87.
2. Hannonen O. In search of a digital nomad: defining the phenomenon // Information Technology & Tourism. 2020. № 2. Р. 335–353.
3. Mancinelli F. Digital nomads: freedom, responsibility and the neoliberal order // Information Technology & Tourism. 2020. № 22. Р. 417–437.
4. Kozinets R.V. Netnography: the essential guide to qualitative social media research. London : Sage Publication, 2019. 472 p.
5. Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. New York : Wiley, 1997. 246 p.
6. Кужелева-Саган И.П. Общие контуры онтологии образования в эпоху нового кочевничества // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2020. № 1 (29). С. 200–211.
7. Кужелева-Саган И.П., Сучкова Н.А. Онтология общества сетевого и культура цифровых кочевников: методологические подходы // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 58–63.
8. COVID-19 and the Rise of the Digital Nomad. Excerpted from the 2020 State of Independence in America Report. URL: <https://www.mbopartners.com/state-of-independence/2020-digital-nomads-report>
9. Thompson B.Y. The Digital Nomad Lifestyle: (Remote) Work/Leisure Balance, Privilege, and Constructed Community // International Journal of the Sociology of Leisure. 2019. № 2. Р. 27–42. doi: 10.1007/s41978-018-00030-y
10. Sutherland W., Jarrahi M.H. The Gig Economy and Information Infrastructure: The Case of the Digital Nomad Community // Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction. 2017. Vol. 1, № 1. Article 97. Р. 97:1–97:24.
11. Nash C., Jarrahi M.Y., Sutherland W., Phillips G. Digital Nomads Beyond the Buzzword: Defining Digital Nomadic Work and Use of Digital Technologies // Chowdhury G., McLeod J., Gillet V., Willett P. (ed.) Transforming Digital Worlds: 13th International Conference, iConference 2018, Sheffield, UK, March 25–28. Proceedings. Springer International Publishing AG, part of Springer Nature, 2018. Р. 207–217.
12. Diaz J. How VanLife's traffic affects car design // Fast Company. 10.08.2018. URL: <https://www.fastcompany.com/90216582/how-the-vanlife-movement-is-influencing-car-design>
13. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.
14. Элиановский Э. Интернет-кочевники – кто это, сколько зарабатывают, и это вообще законно? URL: <https://vc.ru/life/188340-internet-kochevniki-kto-eto-skolko-zarabatyvayut-i-eto-voobshe-zakonno>
15. Тимошенков И.В., Нашихина О.Н. Определение места и роли акторов в экономической науке и в экономической системе общества // Бизнес Информ. 2015. № 5. С. 24–28.
16. Hermann I., Paris C.M. Digital Nomadism: the nexus of remote working and travel mobility // Information Technology & Tourism. 2020. № 22. Р. 329–334.
17. Мангер М. Завтра 3.0. Транзакционные издержки и экономика совместного использования. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 256 с.
18. Vlcek W. Offshore Finance and Global Governance. Disciplining the Tax Nomad. London : Macmillan Publishers Ltd, 2017. 180 p.
19. Нестандартные формы занятости. Анализ проблем и перспективы решения в разных странах. Обзорная версия. Международное Бюро Труда. Женева : МБТ, 2017. 45 с.
20. Тощенко Ж.Т. Занятость как базовая характеристика социально-классовой структуры современного общества // Прекариат: становление нового класса. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. С. 34–56.
21. Никифорова А.А. Рынок труда: занятость и безработица. М. : Международные отношения, 1991. 184 с.
22. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 30.04.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2021) // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683
23. Мусаев Б.А. Влияние нестандартной занятости на изменения социально-трудовых отношений : дис. ... канд. экон. наук. М. : Всероссийский научно-исследовательский институт труда, 2018. 150 с.
24. Стребков Д.О., Шевчук А.В., Спирина М.О. Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009–2014 гг. (по результатам Переписи фрилансеров). Вып. 16. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2015. 226 с.
25. Спичева Д.И., Коноваленко М.А. Тимбилдинг в коллективе цифровых кочевников // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд : материалы III Междунар. трансдисциплинарной науч.-практ. WEB-конференции Connect-Universum-2016. 24–26 мая 2016 года. Томск : Изд. Дом Томского государственного университета, 2017. С. 245–252.

26. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Ловушка гибкой занятости: как нестандартный график работы влияет на баланс между работой и жизнью фрилансеров // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 86–102.
27. Специальный налоговый режим для самозанятых граждан. Налог на профессиональный доход // Официальный сайт Федеральной налоговой службы России. 2021. URL: <https://npd.nalog.ru/#who>

References

1. Kuzheleva-Sagan, I.P. & Spicheva, D.I. (2020) The phenomenon of digital nomadism in the modern interdisciplinary discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 454. pp. 72–87. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/454/9
2. Hannonen, O. (2020) In search of a digital nomad: defining the phenomenon. *Information Technology & Tourism*. 2. pp. 335–353.
3. Mancinelli, F. (2020) Digital nomads: freedom, responsibility and the neoliberal order. *Information Technology & Tourism*. 22. pp. 417–437.
4. Kozinets, R.V. (2019) *Netnography: the essential guide to qualitative social media research*. London: Sage Publication.
5. Makimoto, T. & Manners, D. (1997) *Digital Nomad*. New York: Wiley.
6. Kuzheleva-Sagan, I.P. (2020) General frames for the ontology of education in the era of “new nomadism”. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie – Pedagogical Review*. 1 (29). pp. 200–211. (In Russian). DOI: 10.23951/2307-6127-2020-1-200-211
7. Kuzheleva-Sagan, I.P. & Suchkova, N.A. (2019) The ontology of the network society and the culture of digital nomads: methodological approaches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 440. pp. 58–63. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/440/8
8. MBO Partners. (2020) *COVID-19 and the Rise of the Digital Nomad. Excerpted from the 2020 State of Independence in America Report*. [Online] Available from: <https://www.mbopartners.com/state-of-independence/2020-digital-nomads-report>.
9. Thompson, B.Y. (2019) The Digital Nomad Lifestyle: (Remote) Work/Leisure Balance, Privilege, and Constructed Community. *International Journal of the Sociology of Leisure*. 2. pp. 27–42. DOI: 10.1007/s41978-018-00030-y
10. Sutherland, W. & Jarrahi, M.H. (2017) The Gig Economy and Information Infrastructure: The Case of the Digital Nomad Community. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. 1 (1). Article 97. pp. 97:1–97:24.
11. Nash, C. et al. (2018) Digital Nomads Beyond the Buzzword: Defining Digital Nomadic Work and Use of Digital Technologies. In: Chowdhury G. et al. (ed.) *Transforming Digital Worlds*. Proceedings of the 13th International Conference, iConference 2018. Sheffield. 25–28 March 2018. Springer International Publishing AG. pp. 207–217.
12. Diaz, J. (2018) How #VanLife’s traffic affects car design. *Fast Company*. [Online] Available from: <https://www.fastcompany.com/90216582/how-the-vanlife-movement-is-influencing-car-design>.
13. Urry, J. (2012) *Sotsiologiya za predelami obshchestva: vidy mobil’nosti dlya XXI stoletiya* [Sociology Beyond Societies: Mobilities for the twenty-first century]. Translated from English. Moscow: HSE.
14. Elianovskiy, E. (2020) Internet-kochevniki – kto eto, skol’ko zarabatyvayut, i eto voobshche zakonno? [Internet nomads – who are they, how much do they earn, and is it generally legal?]. *VC.ru*. [Online] Available from: <https://vc.ru/life/188340-internet-kochevniki-kto-eto-skolko-zarabatyvayut-i-eto-voobshche-zakonno>.
15. Timoshenkov, I.V. & Nashchekina, O.N. (2015) Defining the role and the place of actors in the economic science and in the economic system of society. *Biznes Inform – Business Inform*. 5 (448). pp. 24–28. (In Russian).
16. Hermann, I. & Paris, C.M. (2020) Digital Nomadism: the nexus of remote working and travel mobility. *Information Technology & Tourism*. 22. pp. 329–334.
17. Manger, M. (2021) *Zavtra 3.0. Tranzaktsionnye izderzhki i ekonomika sovmeistnogo ispol’zovaniya* [Tomorrow 3.0. Transaction costs and the sharing economy]. Moscow: HSE.
18. Vlcek, W. (2017) *Offshore Finance and Global Governance. Disciplining the Tax Nomad*. London: Macmillan Publishers Ltd.
19. International Labour Organization. (2017) *Nestandartnye formy zanyatosti. Analiz problem i perspektivy resheniya v raznykh stranakh. Obzornaya versiya*. [Non-Standard Forms of Employment. Analysis of problems and prospects for solutions in different countries. An overview]. Geneva: ILO.
20. Toshchenko, Zh.T. (2020) Zanyatost’ kak bazovaya kharakteristika sotsial’no-klassovoy struktury sovremennogo obshchestva [Employment as a basic characteristic of the social class structure of modern society]. In: Toshchenko, Zh.T. (ed.) *Prekariat: stanovlenie novogo klassa* [Precariat: The emergence of a new class]. Moscow: Tsentr sotsial’nogo prognozirovaniya i marketinga. pp. 34–56.
21. Nikiforova, A.A. (1991) *Rynok truda: zanyatost’ i bezrabotitsa* [Labor Market: Employment and unemployment]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
22. Consultant Plus. (2021) *Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ (as amended on April 30, 2021) (as amended and supplemented, in force since May 1, 2021)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683. (In Russian).
23. Musae, B.A. (2018) *Vliyaniye nestandartnoy zanyatosti na izmeneniya sotsial’no-trudovyykh otnosheniy* [Influence of non-standard employment on changes in social and labor relations]. Economics Cand. Diss Moscow.
24. Strebkov, D.O., Shevchuk, A.V. & Spirina, M.O. (2015) *Razvitiye russkoyazychnogo rynka udalennoy raboty, 2009–2014 gg. (po rezul’tatam Perepisi frilanserov)* [Development of the Russian-speaking remote work market, 2009–2014 (according to the results of the Census of freelancers)]. Vol. 16. Moscow: HSE.
25. Spicheva, D.I. & Konovalenko, M.A. (2017) [Teambuilding in the digital nomads’ working teams]. *Tsifrovoye kochevnichestvo kak global’nyy i sibirskiy trend* [Digital Nomadism as a Global and Siberian Trend]. Proceedings of the 3rd International Transdisciplinary WEB-Conference Connect-Universum-2016. Tomsk. 24–26 May 2016. Tomsk: Tomsk State University. pp. 245–252. (In Russian).
26. Strebkov, D.O. & Shevchuk, A.V. (2019) The trap of flexible work schedule: how unusual working patterns influence the work-life balance of freelancers. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 3 (151). pp. 86–102. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.06
27. Federal Tax Service of Russia. (2021) *Spetsial’nyy nalogovyy rezhim dlya samozanyatykh grazhdan. Nalog na professional’nyy dokhod* [Special tax regime for self-employed citizens. Tax on professional income]. [Online] Available from: <https://npd.nalog.ru/#who>.

Информация об авторе:

Пантыкина М.И. – д-р филос. наук, зам. директора гуманитарно-педагогического института Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия). E-mail: pantikina@tltu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.I. Pantykina, Dr. Sci. (Philosophy), deputy head of the Institute for the Humanities and Pedagogy, Togliatti State University (Togliatti, Russian Federation). E-mail: pantikina@tltu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.11.2021;
одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 24.11.2021;
approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 28.02.2022.